Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.А. Завьялов

К вопросу об имуществах церковных:

речь пред защитой диссертации на степень магистра богословия, произнесенная 11 декабря 1900 года

Опубликовано:
Христианское чтение. 1901. № 1. С. 113-135.

© Сканирование и создание электронного варианта: Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Къ вопросу объ имуществахъ церковныхъ.

(Рѣчь передъ защитою диссертаціи на степень магистра богословія, произнесенная предъ Совѣтомъ Спб. дух. академіи 11 декабря 1900 г.).

Принося глубокую благодарность за доставленную мнѣ честь допущеніемъ на это возвышенное мѣсто, ради испытанія моей научной правоспособности, признаю себя обязаннымъ дать нѣкоторыя предварительныя объясненія по поводу представленія мною печатной работы на соисканіе степени магистра.

Ученое поприще, какъ спеціальное служеніе наукѣ, доступно немногимъ избраннымъ, но сознаніе обязанности не забывать научныхъ занятій, не отставать отъ нихъ присуще едва ли не каждому, прошедшему курсъ академическаго образованія. Признательный за ознакомленіе съ учеными пріемами работы мысли и съ состояніемъ научныхъ изслѣдованій, бывшій питомецъ академіи сознаетъ себя въ неоплатномъ передъ нею долгу. Такимъ сознаніемъ разсѣянныхъ по всему лицу земли русской бывшихъ студентовъ академій, по нашему пониманію, держится и духовное наше образованіе и духовная литература по всѣмъ епархіямъ церкви русской. Правда, инымъ изъ насъ, по окончаніи курса, не приводится въ теченіе всей жизни даже увидать и поклониться воспитавшей насъ матери—школѣ, не то что принести въ сокровищницу знаній, составляющихъ ея достояніе, какой-либо своей самостоятельной научной работы. Къ сему много посторонних причинъ, напр. жительство вдали отъ источниковъ и пособій для научныхъ занятій. Но за то для тѣхъ, кому указано жить вблизи первоисточниковъ знанія, оставаться равнодушными

къ наукѣ нравственно невозможно. Вотъ главное побужденіе къ составленію и представленію на вашъ просвѣщенный судъ нашего изслѣдованія изъ области исторіи церковнаго права.

Засимъ еще одно краткое объясненіе. На судъ вашъ представлена книга отъ автора, занимающаго служебное мѣсто въ центральномъ духовномъ управленіи. По сему поводу да позволено будетъ намъ высказать, что предметъ нашихъ служебныхъ занятій не принадлежитъ къ той области церковнаго права, какая трактуется въ нашей книгѣ, и мы не считали бы допустимымъ представлять на судъ ученаго собранія отчетъ о наблюденіяхъ или изслѣдованіяхъ по предмету служебныхъ занятій: для такого отчета существуетъ иной порядокъ. Такимъ образомъ, если бы въ нашей книгѣ оказались воззрѣнія или сужденія по чему-либо не удобопріемлемыя въ наукѣ, то мы не въ правѣ прикрываться авторитетнымъ именемъ пріютившаго насъ учрежденія: воззрѣнія Св. Синода могутъ быть намъ, по служебному положенію, въ данномъ вопросѣ просто невѣдомы. Ученая наша работа есть наше личное дѣло, со служебнымъ положеніемъ существенно не связанное, есть выраженіе личной наклонности, параллельно съ исполненіемъ служебныхъ обязанностей, заниматься изысканіями по общимъ научнымъ вопросамъ, конечно, не безъ мысли этого рода занятіями укрѣплять свою правоспособность и въ исполненіи прямаго служебнаго дѣла, предъявляющаго къ намъ, чиновникамъ Св. Синода, требованія широкой и серьезной теоретической подготовки.

Обращаюсь къ своей книгѣ... Но я не вижу никакой надобности воспроизводить здѣсь ея фактическое содержаніе. Насъ занимали не столько факты, сами по себѣ, сколько понятія, и слѣд. въ настоящемъ случаѣ, думается, намъ умѣстнѣе всего коснуться общаго построенія своей напечатанной работы и не распространяться объ отдѣльныхъ событіяхъ занимавшей насъ исторіи церковно-имущественнаго права. Предметъ нашей книги и простъ и труденъ, простъ на первый взглядъ и труденъ при серьезномъ изученіи. Занимавшій насъ не менѣе четырехъ лѣтъ вопросъ, какъ оказывается, издавна пріобрѣлъ нѣкоторую своеобразную окраску и разрѣшался по слѣдующей простой формулѣ: у церковныхъ учрежденій были населенныя имѣнія, государство въ 176$^{3}/_{4}$ г. взяло ихъ себѣ, не уплативъ немедленно бывшимъ владѣль-

цамъ стоимость сихъ имѣній; слѣдовательно государство учинило насиліе надъ церковію, и рѣчь кончена, если не считать голословныхъ, безъ хронологическихъ указаній, ссылокъ на общее направленіе либеральныхъ правительствъ Европы въ XVIII в., отбиравшихъ у церковныхъ общинъ ихъ имѣнія. Первая половина приведеннаго сужденія отвѣчаетъ дѣйствительности, а потому и выводъ представлялся для поверхностнаго наблюденія состоятельнымъ. На почвѣ такого пониманія дѣла принялись и выросли цѣлыя легенды, напр. о принятіи имп. Екатериною Св. Синода и грозной рѣчи, какая при этомъ была сказана императрицею. Этимъ же пониманіемъ держится и своеобразное отношеніе историковъ къ извѣстному дѣлу ростовскаго митр. Арсенія Маціевича.

Однакоже этотъ самый вопросъ становится очень труднымъ для разрѣшенія, какъ скоро мы устранимъ ни на чемъ неосновательное противопоставленіе православнаго нашего государства нашей православной церкви, какъ только вспомнимъ, что ни государство, ни церковь такого прямолинейнаго разрѣшенія вопроса не допускали, что государство дѣйствовало по открытымъ побужденіямъ, признавало ихъ закономѣрными, настойчиво объясняло много лѣтъ подъ рядъ [1]) и считало съ церковнымъ ученіемъ согласными. И стало быть, нечего доискиваться намѣреній, когда слова ясны — *quum in verbis nulla ambiquitas, non debet admitti voluntatis quaestio.* Изслѣдователь не долженъ упускать этого изъ виду и помимо объясненій самого правительства произносить свой приговоръ объ его дѣйствіяхъ. А съ другой стороны, это собраніе, обозрѣніе и установка генезиса упомянутыхъ объясненій есть дѣло нелегкое и можетъ быть предметомъ научнаго изслѣдованія. Въ конечномъ обобщеніи всѣ эти объясненія, какъ въ дѣлѣ секуляризаціи церковныхъ вотчинъ въ $176^{3}/_{4}$ г., такъ и позднѣе, напр. 25-го декабря 1841 г. (П. С. З. № 15152), когда переданы были въ министерство государственныхъ имуществъ церковныя имѣнія въ западной Россіи, или 5 ноября 1852 г. (П. С. З. № 26736), когда поступали въ казну грузинскія церковныя имѣнія, сводятся къ

[2]) Усвоивъ пріемъ Петра Великаго, указы котораго имѣютъ двѣ стороны: законодательную и обличительную. Издавая законы, правительство просвѣщало подданныхъ указаніемъ на основанія къ новымъ мѣропріятіямъ. См. проф. *И. Знаменскаго.* Закон. Петра Вел. относ. прих. дух. „Прав. Соб.“ 1863, 2 стр. 378.

одному: *владѣніе населенными имѣніями не свойственно церковнымъ учрежденіямъ и отвлекаетъ духовенство отъ прямаго его служенія, почему вмѣсто таковыхъ имѣній церковныя учрежденія должны быть обезпечены иными средствами содержанія.*

Засимъ, что касается другой участвовавшей въ дѣлѣ стороны, то и здѣсь представители простаго разрѣшенія вопроса не встрѣчаютъ подтвержденія своего взгляда. Во-1-хъ, нѣтъ приговора высшей церковной власти, которымъ осуждались бы по существу какъ самая церковно-имущественная реформа $176^{3}/_{4}$ г., такъ и ея, изъясненные свѣтскою властію, мотивы. И далѣе, догматически точкой формулы церковнаго *права на населенныя имѣнія въ канонахъ и нѣтъ и быть не можетъ.* Правда, въ свое время изобрѣтено было нѣкое правило якобы V вселенскаго собора [1]) о обидящихъ церкви Божія беззаконнымъ отнятіемъ церковныхъ селъ и виноградовъ, но сіе апокрифическое правило, при всей рѣшительности своего направленія, не оправдываетъ владѣніе населенными имѣніями со стороны церковныхъ учрежденій и угрожаетъ только отнимающимъ имѣнія незаконно. Въ наше же время болѣе чѣмъ странно отстаивать разрушенное въ 1764 г. вотчинное право церковныхъ учрежденій. Вѣдь это было крѣпостное право. Казалось бы, что слѣдуетъ не печаловаться, а Бога благодарить за то, что у насъ, въ православной Россіи, именно церковнымъ учрежденіямъ первымъ удалось освободиться отъ сего навязаннаго имъ исторіею нехристіанскаго права рабовладѣнія и почти за сто лѣтъ до 19 февраля 1861 г. съ достоинствомъ перенести соединенныя съ реформою извѣстныя матеріальныя лишенія, ради великой христіанской идеи освобожденія. Если же владѣніе населенными имѣніями со стороны церковныхъ учрежденій было явленіемъ не догматическимъ, а историческимъ, то разборъ церковно-правоваго ученія по этому предмету обращается въ серьезную и сложную задачу для изслѣдователя: въ разборѣ этомъ необходимо выдѣлить то, что относится къ существу дѣла, отъ того, что было именно временнымъ явленіемъ, уяснить взглядъ самой церкви въ его различіи отъ взглядовъ тѣхъ учрежденій и лицъ, которыя распоряжались церковнымъ имущественнымъ

---

[1]) См. изд. въ Пр. Соб. 1861 г. III стр. 457—459 и Р. И. Б. VI 145—146 (по Чудовскому сборн. 14 в.).

достояніемъ на пространствѣ исторіи, и тѣхъ теоретиковъ, которые бывали въ прежнія времена, и въ новѣйшія, закрывая глаза на исторію, едва ни полтораста лѣтъ повторяютъ странную претензію, старыя сужденія клевретовъ идеи Маціевича якобы о пріобидѣніи православной русской церкви свѣтскимъ правительствомъ императрицы Екатерины II.

Эта мысль о кажущемся пріобидѣніи церкви питается иногда соображеніемъ такого рода: отобраніемъ имѣній у церковныхъ учрежденій нарушается воля тѣхъ лицъ, которыя въ разныя времена передали этимъ учрежденіямъ свои имѣнія въ собственность, подъ условіемъ вѣчнаго поминовенія жертвователей. По сему поводу необходимо замѣтить, что никто доселѣ не сдѣлалъ учета, сколько изъ отобранныхъ имѣній было изъ числа пожертвованныхъ, сколько было пріобрѣтено юридическими операціями, и засимъ, если имѣнія дѣйствительно переданы были въ собственность, то, казалось бы, съ передачею права жертвователей на эти имѣнія прекращаются, а слѣдовательно и нарушенія таковыхъ правъ при секуляризаціи 1764 г. не могло быть. Жертвователи могли бы настаивать на исполненіи условія—на вѣчномъ поминовеніи, но неизвѣстно, чтобы къ этому былъ поводъ, неизвѣстно случаевъ, чтобы церковныя учрежденія не исполняли принятыхъ на себя обязанностей поминать записанныхъ въ синодики, или въ зависимости отъ измѣненія своихъ матеріальныхъ средствъ отказывались отъ поминовенія. Съ другой стороны *nemo plus juris ad alium tranferre potest, quam ipse habet,* или другими словами: такъ какъ на вопросъ имѣетъ ли право частное лицо—жертвователь, собственникъ—по свободному движенію своей воли усвоить церковному учрежденію право неотчуждаемой собственности на жертвуемое ему имѣніе, къ тому же *населенное,* утвердительнаго отвѣта дать нельзя, то и претензія жертвователей къ правительству за отобраніе пожертвованныхъ вотчинъ оказывается несостоятельной. Установленіе правъ на владѣніе совершается по опредѣленному порядку, nec vi, nec clam, nec precario, а не по одному желанію доброхотныхъ дателей. Въ дѣлѣ установленія фактическихъ правъ церковныхъ учрежденій воля частныхъ лицъ встрѣчаетъ постоянныя ограниченія. Не говоря уже о таковыхъ ограниченіяхъ со стороны самой природы учрежденій, частнымъ лицамъ необходимо считаться съ внѣшними, хотя бы и временными законами. Напр. церковному учре-

жденію свойственно имѣть часовню, но построить ее въ патріаршее время бывало нельзя безъ патріаршаго указа (П. С. З. III, 1612 п. 56), а позднѣе безъ синодальнаго разрѣшенія (П. С. П. и Р. 1723 г. № 1029), и теперь—безъ воли епархіальнаго начальства (ст. 60 Уст. Дух. Конс.), такъ что построившій или перестроившій часовню или молитвенный домъ безъ надлежащаго разрѣшенія подлежитъ суду. Болѣе того, по изъясненному принципу nemo plus iuris ad alium tranferre posest, quam ipse habet, можно съ увѣренностію сказать, что и государство не давало церковнымъ учрежденіямъ правъ полной собственности на населенныя имѣнія. Государство въ свое время предоставило этимъ учрежденіямъ сферу для обнаруженія ихъ правоспособности по владѣнію имѣніями, *не входя въ оцѣнку* этой правоспособности, опредѣляемой прежде всего церковнымъ характеромъ учрежденій. Вводя эти учрежденія въ кругъ правоспособныхъ по имуществу юридическихъ лицъ, государство съ тѣмъ вмѣстѣ указало и обязанности за предоставленныя права, или точнѣе за обнаруженіе правоспособности по имуществу, такъ какъ съ его точки зрѣнія *jus et obligatio sunt correlata, jus sine obligatione non intellegitur;*—и при этомъ слѣдуетъ помнить, что только тѣ дѣйствія юридическихъ лицъ считаются правильными, которыя дозволены ихъ уставами и статутами. Посему предоставленіе церковнымъ учрежденіямъ юридическихъ правъ и обязанностей есть не первоначальный моментъ церковно-имущественнаго права. Ему предшествуетъ бытіе самаго устава сихъ учрежденій, опредѣляемаго компетентнымъ въ семъ церковнымъ закономъ. Понятіе о юридическомъ лицѣ не покрываетъ всего понятія о церковномъ учрежденіи и нормировка послѣдняго понятія не принадлежитъ государству, тѣмъ оно болѣе не принадлежитъ частному лицу.

Теперь естественно спросить, имѣли ли церковныя учрежденія права неотчуждаемой собственности на предоставленныя имъ населенныя имѣнія, по представленію церковнаго закона. Для отвѣта на этотъ вопросъ прежде всего приходится вспомнить проходящее красною нитью чрезъ всю исторію церковно-имущественнаго права требованіе неотчуждаемости церковныхъ имѣній. По историческимъ обстоятельствамъ на этотъ принципъ обыкновенно ссылались въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣніямъ угрожала опасность отчужденія со стороны постороннихъ учрежденіямъ силъ. Но этотъ же прин-

цип имѣетъ и другую сторону и въ сущности самую важную: *сами* церковныя учрежденія, по смыслу этого принципа, не могли отчуждать принадлежащихъ имъ имѣній, а если не могли отчуждать, то и правомъ полной собственности на эти имѣнія не располагали. Въ церковномъ же законѣ мы встрѣчаемъ и другое ограниченіе для права собственности учрежденій: учрежденія не должны владѣть имѣніями въ видахъ накопленія богатствъ, ради удовлетворенія собственныхъ своихъ цѣлей, отличныхъ отъ цѣлей общецерковныхъ. Засимъ, самое установленіе таковыхъ цѣлей принадлежитъ не каждому учрежденію, а церковной власти. Посему канопы епископу, а не каждому учрежденію, хотя бы и признаваемому юридическимъ лицомъ, усвоиваютъ право на имущество церкви. Къ сему же относятся и очень строгія и очень ясныя требованія нравственнаго порядка, предъявляемыя церковнымъ закономъ къ тѣмъ, кто распоряжается церковнымъ имуществомъ, требованія, не извѣстныя гражданскому закону и управомоченнымъ отъ него юридическимъ собственникамъ, каковы напр. операціи по ссудѣ изъ процентовъ и т. под. Въ исторіи были моменты и даже періоды, когда эти требованія нарушались и напр. наши обители широко пользовались, по указанію изслѣдователей, опытами закладовъ и закуповъ, пока уясненіе истинныхъ началъ церковно-имущественнаго права не устранило изъ жизни этихъ противоканоническихъ явленій. Дальнѣйшее раскрытіе основныхъ понятій церковно-имущественнаго права въ соотвѣтствіи съ движеніемъ церковно-исторической жизни усвоило высшія права по церковному имуществу всей помѣстной церквисо бору епископовъ, съ установленіемъ болѣе опредѣленныхъ внѣшнихъ правъ какъ самыхъ учрежденій, такъ и стоящей надъ ними епархіальной власти.

Такимъ путемъ установилось, что неотчуждаемыя самими учрежденіями церковныя имущества отчуждались на всемъ пространствѣ исторіи по рѣшеніямъ высшей церковной власти, а такъ какъ отчужденія эти суть явленія и гражданскаго права, то для дѣйствительности ихъ потребовалось участіе высшей государственной власти. Повторяемъ, и по византійскому и по современному русскому праву отчужденіе церковныхъ имѣній всегда допускалось и допускается, не смотря на принципъ неотчуждаемости, при чемъ для осуществленія права учрежденій на отчужденіе требовались и требуются

два дополнительныхъ акта — разрѣшеніе высшей церковной власти и императорскій указъ; когда же идея общецерковной пользы, по сознанію высшей власти, требовала, то допускалось и допускается принудительное отчужденіе. Отсюда произошли отписка однихъ церковныхъ учрежденій отъ другихъ, приписка ихъ, образованіе изъ одного прихода нѣсколькихъ, изъ одной епархіи съ ея имуществомъ многихъ епархій и т. д. и т. д.

Начало, по которому имущество каждаго отдѣльнаго церковнаго учрежденія принадлежитъ не сему только учрежденію и слѣдовательно не принадлежитъ ему на правѣ неприкосновенной его собственности, имѣло въ исторіи самыя разнообразныя выраженія. Завѣдываніе и управленіе церковнымъ достояніемъ, говорится въ одномъ изъ опредѣленій Св. Синода [1]) принадлежитъ духовному начальству. Въ силу этого начала напр. въ 1830 г. переданы были въ попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія суммы кладбищенскихъ столичныхъ церквей [2]), или въ 1860 г. церкви и монастыри обязаны были завести правильныя лѣсныя хозяйства, чтобы часть доходовъ отъ сего обращать на усиленіе средствъ тѣхъ же попечительствъ [3]). Болѣе того, съ уясненіемъ этого начала открылся цѣлый отдѣлъ церковной жизни—благоустроенное просвѣщеніе духовнаго юношества въ особыхъ школахъ, содержимыхъ на счетъ спеціальныхъ средствъ каждой изъ десятковъ тысячъ православныхъ русскихъ церквей [4]).

Итакъ, принципіально противъ отчужденія церковныхъ имѣній спорить основаній нѣтъ. Можетъ быть рѣчь о мѣрѣ власти духовнаго начальства на имущество каждаго церковнаго учрежденія; но это уже вопросъ особый. Въ организованномъ обществѣ, основныя цѣли котораго даны при самомъ его возникновеніи, очевидно, допустима и полная децентрализація, но при непремѣнномъ условіи, чтобы каждое изъ частныхъ учрежденій въ каждомъ моментѣ своего бытія со-

---

[1]) 24 авг. 1838 г. въ Сборникѣ о церков. хоз. Алексеева, № 205.

[2]) Ibid. № 106.

[3]) Ibid. № 465.

[4]) Изъ времени же до 1764 г. вспомнимъ хотя бы образованіе 16 іюня 1744 г. новыхъ епархій, когда Рождественъ монастырь отданъ на содержаніе владимірскому архіерею, Ипатскій — костромскому, Чудовъ—московскому, Горицкій—переславскому. Высоч. утв. докладъ Св. Синода.

знавало и преслѣдовало прежде всего и болѣе всего общія цѣли. А такъ какъ исторія не дала подтвержденія дѣйствительнаго исполненія сихъ требованій, то необходимость высшей церковной власти по имуществу не нуждается въ особомъ оправданіи, тѣмъ болѣе, что у высшей центральной власти нѣтъ своихъ цѣлей, кромѣ удовлетворенія потребностей всѣхъ подвѣдомыхъ ему учрежденій.

Мѣра правъ въ церковныхъ имѣніяхъ какъ въ отношеніи учрежденій, за которыми имѣнія значатся, такъ и высшей надъ учрежденіями власти въ разныя времена была неодинакова, въ зависимости отъ нѣсколькихъ условій. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ, конечно, то или иное положеніе церкви въ государствѣ, а за симъ и степень и порядокъ, по которому сложилось самое церковное устройство. Въ томъ періодѣ исторіи, когда государство не признаетъ за церковными учрежденіями правъ на имущественную собственность, церковныя владѣнія остаются какъ фактъ, а не какъ право; съ другой стороны въ томъ же періодѣ и взаимныя отношенія между самыми церковными учрежденіями и отношенія ихъ къ церковной власти слагаются по требованіямъ высокаго христіанскаго чувства взаимной любви и по законахъ нравственнымъ: власть епископа, по слову и духу каноновъ, и источникъ и мѣра власти. Въ томъ періодѣ, когда у самаго государства не установлены съ необходимою точностью юридическія понятія объ имущественныхъ правахъ, положеніе дѣлъ таково же, какъ и въ только что указанномъ случаѣ, видоизмѣняясь въ зависимости отъ степени и порядка церковнаго устройства, при чемъ, однако, открывается широкій просторъ для однихъ учрежденій по случайнымъ обстоятельствамъ и условіямъ къ большему или меньшему сосредоточенію правъ, для другихъ къ ослабленію ихъ, при отсутствіи у высшей церковной власти внѣшняго отъ государства пособія для упорядоченія владѣнія въ видахъ равномѣрности и въ общецерковныхъ цѣляхъ. Наконецъ, при строго выраженныхъ гражданскихъ законахъ объ имуществѣ и при наличности законченнаго церковнаго устройства, признаваемаго за таковое государственною властью, слагается стройная система отношеній и распредѣленія власти по церковнымъ имѣніямъ. Собственно говоря, только при данныхъ послѣдняго предположенія и можетъ быть серьезная рѣчь о построеніи системы церковно-имущественнаго права, которое укажетъ каждому свое, предоставивъ

напр. приходской церкви самостоятельный расходъ до 50 р., какъ въ современномъ намъ церковноимущественномъ правѣ. До времени же полнаго выраженія всѣхъ составляющихъ церковноимущественное право элементовъ затруднительно было бы оцѣнивать какое бы то ни было явленіе въ области исторіи церковноимущественнаго права съ точки зрѣнія современныхъ намъ принциповъ этого права, безъ документальной справки съ историческими условіями, на почвѣ которыхъ это явленіе возникло. Для нашего спеціальнаго вопроса имѣетъ напр. значеніе, что до 1785 г. въ нашемъ правѣ не было самаго выраженія «собственность» (проф. Градовскій). Засимъ никакъ нельзя ограничиться изученіемъ условій и данныхъ только правоваго устройства или порядка, а необходимо справиться и съ состояніемъ другихъ сторонъ народной и церковной жизни. Оказывается напр., что въ первой половинѣ XVIII в. высшая церковная власть была весьма озабочена устраненіемъ многихъ неблагопріятныхъ условій для правильнаго роста церковной жизни и въ частности установленіемъ нѣкоторой равномѣрности средствъ и силъ церковныхъ учрежденій. Неравномѣрность владѣній признана была безспорною, переписка, приписка, отписка, соединеніе и раздѣленіе церковныхъ учрежденій по частнымъ поводамъ наполняютъ многія страницы извѣстныхъ теперь въ печати распоряженій Св. Синода съ 20-хъ годовъ XVIII в. Однако наблюдается и такое явленіе. Назначена была въ 1722 г. перепись церквей (П. С. З. VI, 3964 ср. VII, 4186), засимъ слѣдуетъ перепись прихожанъ (ib. 4052 п. 2), между тѣмъ еще въ 1741 г. по епархіямъ не имѣлось списковъ ни церквей, ни монастырей, ни монастырскихъ властей. 15 сент. 1741 г. оберъ-секретарь Синода Леванидовъ пишетъ въ Москву нѣкоему Петру Ивановичу, чтобы въ дикастеріи завести книги: 1) въ которыхъ городахъ и уѣздахъ сколько по званіямъ церквей и проч., 2) сколько при которой церкви пашенной земли, руги и угодій, 3) о всѣхъ монастыряхъ и пустыняхъ требуетъ содержанія списковъ монастырскихъ настоятелей. Или Кабинетъ спрашиваетъ Св. Синодъ о монастыряхъ, которые были въ непосредственномъ вѣдѣніи патріарховъ, а потомъ въ синодальной области. Св. Синодъ посылаетъ запросъ въ московскую Синодальнаго Правленія Канцелярію и Духовную Дикастерію, чтобы съ первою почтою отмѣнно прислали списки тѣхъ монастырей. Это было 22 авг. 1738 г. Списковъ не оказалось

ни въ Канцеляріи, ни въ Дикастеріи, ни въ Ризницѣ, ни въ синодальномъ Дворцовомъ Приказѣ. Къ ноябрю прислали сводный списокъ изъ двухъ черновиковъ, но неудовлетворительный по признанію самой составлявшей его Дикастеріи. Канцелярія затребовала свѣдѣнія изъ епархій: въ 1741 г. дѣло, заведенное въ Синодѣ, оканчивается, а списки такъ и не доставлены (д. 1738 г. № 81). Припомнимъ еще безплодный опытъ собиранія матеріаловъ для монастырскихъ штатовъ въ двадцатыхъ годахъ и отсутствіе собственныхъ вѣдомостей о числѣ церковныхъ крестьянъ въ пятидесятыхъ, и тогда станетъ яснымъ, что въ данное время высшая церковная власть собственными средствами упорядочить требовавшее пересмотра церковноимущественное право оказалась не въ состояніи. Если при подобныхъ условіяхъ вооруженная большею силою идетъ на помощь дѣлу власть свѣтская и совершаетъ реформу совмѣстно съ церковною властью и согласно съ общецерковными видами, то само собою понятно, что распространяться о пріобидѣніи церкви по сему поводу было бы недоразумѣніемъ. Понятно и то, что при видимомъ преимуществѣ силы государства, принявшаго на себя самую инициативу реформы, безъ временнаго матеріальнаго ущерба для учрежденій дѣло не могло обойтись, но вѣдь всѣ крупныя явленія приводятъ въ напряженіе заинтересованныя въ немъ силы и влекутъ за собою жертвы. Вопросъ только въ томъ, была ли крайняя необходимость въ этомъ событіи, своевременно ли оно совершилось и стоятъ ли благія его послѣдствія тѣхъ жертвъ, какихъ оно потребовало. Посмотримъ.

Участіе государства во всѣхъ моментахъ церковно-имущественнаго права представляется и неизбѣжнымъ и необходимымъ какъ для самихъ учрежденій въ огражденіе дѣйствительно принадлежащихъ имъ правъ, такъ и для организаціи управленія имѣніями со стороны высшей церковной власти, такъ и для каждой какой бы то ни было реформы церковно-имущественнаго права. Конечно, каждому церковному учрежденію, какъ явленію внѣшней исторіи, какъ дѣятелю не только въ мірѣ идей, но и вещей, необходимы внѣшнія средства для дѣятельности, почему право ихъ на имущество предполагается самою ихъ природою, но оно является правомъ, только съ момента признанія его государствомъ [1]), при чемъ

[1]) Почему и говорится, что право есть организованная защита фактическихъ отношеній.

содержаніе и устойчивость правовыхъ понятій о церковномъ имуществѣ могутъ быть не одинаковы, въ соотвѣтствіи съ состояніемъ самаго гражданскаго права. У насъ на Руси церковныя учрежденія владѣли имуществами, прежде чѣмъ установлены были права ихъ на эти имущества со стороны гражданскаго закона и прежде чѣмъ раскрыты были права ихъ въ имуществахъ русскимъ церковнымъ закономъ. При такомъ положеніи дѣлъ видъ церковныхъ имуществъ не имѣлъ существеннаго значенія, по историческимъ же обстоятельствамъ за это время многія учрежденія пріобрѣли недвижимости. Установленная въ наукѣ исторія греко-римскаго церковноимущественнаго права повторена была и у насъ, только нѣсколько въ измѣненной формѣ, такъ какъ внѣшнія условія бытія русской церкви отличны отъ таковыхъ же въ Византіи. Тамъ церковь явилась, когда гражданское право уже существовало, а у насъ она предшествовала и содѣйствовала гражданскому устройству. Наша церковная власть принесла изъ Византіи основныя понятія церковноимущественнаго права, но не встрѣтила здѣсь для примѣненія ихъ юридической среды. Она естественно признала церковныя учрежденія субъектами церковнаго имущества, какимъ они фактически владѣли, но въ дѣйствительности долгое время и происхожденіе имуществъ нашей церкви и огражденіе ихъ покоились единственно на религіозномъ чувствѣ благочестивыхъ князей и народа-христолюбца, охотно отдававшихъ монастырямъ и церквамъ свои имѣнія. Понятіе объ общецерковной собственности къ намъ принесено не было и даже въ тѣхъ настойчивыхъ требованіяхъ неотчуждаемости, съ какими церковная власть у насъ со временемъ выступила, это понятіе осталось нераскрытымъ. Итакъ, имѣніями владѣли отдѣльныя церковныя учрежденія, первоначально внѣ особыхъ юридическихъ опредѣленій. Съ теченіемъ времени, когда гражданское право въ государствѣ сложилось въ болѣе или менѣе законченное ученіе, а церковныя учрежденія, при ослабленіи религіознаго воодушевленія массы и при осложненіи формъ внѣшней жизни, стали искать огражденія своихъ владѣній, явились юридическія понятія о церковныхъ имѣніяхъ учрежденій, какъ объ имѣніяхъ юридическихъ лицъ, то есть частныхъ собственниковъ, хотя въ государствѣ всегда была мысль объ отличіи этихъ собственниковъ, о выдѣленіи ихъ въ особую группу представителей обѣльнаго землевладѣнія.

Параллельно и аналогично съ указаннымъ явленіемъ слагались понятія о пространствѣ церковнаго суда, такъ что въ древнихъ памятникахъ мы обычно читаемъ опредѣленіе понятій о церковныхъ имѣніяхъ и судахъ совмѣстно. Самоуправленіе учрежденій по владѣнію имѣніями и предоставленіе имъ широкаго круга подсудныхъ людей, при нѣкоторой неустроенности высшаго церковнаго управленія, породило, воспитало и выростило освобожденіе низшихъ учрежденій церковныхъ отъ церковнаго суда своихъ естественныхъ церковныхъ властей. Два переплетенныя между собою явленія, владѣнія и судъ, оба условной канонической состоятельности, очевидно, оказались недолговѣчными. Надѣленіе церковныхъ учрежденій имѣніями изъ имѣній владѣльческихъ поставило эти учрежденія въ особыя отношенія къ частнымъ лицамъ, обдѣленнымъ имѣніями, ради сихъ учрежденій, и къ государству, возлагавшему на имѣнія особый родъ государственной службы, а съ другой стороны независимость нѣкоторыхъ учрежденій отъ суда своей церковной власти создала особую заботу этой власти, обязанной попеченіемъ о благоустройствѣ всей церкви. Накопленіе за церковными учрежденіями большаго числа имѣній, въ извѣстной степени освобожденныхъ, по характеру своихъ владѣльцевъ, отъ прямой службы государству, было ближайшимъ поводомъ поставить общій вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ, но когда церковная власть признала разрѣшеніе этого вопроса несвоевременнымъ и, не взирая на явно неравномѣрное распредѣленіе имѣній между учрежденіями и на очевидную несостоятельность поддерживаемыхъ вотчинами несудимыхъ грамотъ, пожелала сохранить положеніе дѣлъ неприкосновеннымъ (1503 г.), государственная власть снимаетъ этотъ вопросъ съ очереди. Исторія показала, что провозглашенный на соборѣ 1503 г. принципъ неприкосновенности не имѣлъ универсальнаго характера, и отчужденія церковныхъ имѣній продолжались даже въ епархіи предсѣдателя собора. Такъ какъ причины, по какимъ государственною властью поставленъ былъ на соборѣ вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ оставались въ силѣ и послѣ соборнаго приговора, то неудивительно, что государственная власть, не нарушая сего приговора, не могла воздержаться отъ нѣкоторыхъ мѣропріятій къ желательному для нея разрѣшенію того же вопроса въ отношеніи къ отдѣльнымъ церковнымъ имѣніямъ. Съ большимъ трудомъ назрѣваютъ великія рѣшенія, но разъ поста-

вленный государственной важности вопросъ могъ быть отодвинутъ, но не забытъ. Послѣ 1503 г. открываются два ряда явленій, изъ коихъ первый свидѣтельствуетъ о томъ, какъ государство стремится оградить нецерковныя имѣнія отъ обращенія ихъ въ церковныя, а второй о томъ, какъ оно пользуется тяготѣніемъ нѣкоторыхъ церковныхъ учрежденій, по собственнымъ ихъ побужденіямъ, къ освобожденію отъ зависимости, въ дѣлахъ владѣльческихъ, отъ высшей церковной власти, ради непосредственнаго подчиненія верховной свѣтской власти. Централизація свѣтской власти у насъ старше таковой же въ церковномъ управленіи, почему единство и систематичность дѣйствій государства въ вопросѣ о церковныхъ имѣніяхъ были гораздо производительнѣе въ правомъ смыслѣ, чѣмъ разобщенная жизнь отдѣльныхъ церковныхъ учрежденій. Проходитъ почти полтораста лѣтъ послѣ перваго заявленія о возможной секуляризаціи церковныхъ вотчинъ, но ни упорядоченія владѣній, ни единства въ управленіи ими достигнуто еще не было, какъ будто и сознанія этого единства еще нѣтъ.

Вотъ каковы наблюденія изслѣдователей надъ положеніемъ вопроса о церковныхъ имѣніяхъ въ патріаршей области: имѣніями удовольствованы далеко не всѣ, а нѣкоторыя, и въ разной мѣрѣ, церковныя учрежденія. Имущественныя владѣнія отдѣльныхъ учрежденій разбросаны въ разныхъ мѣстахъ, иногда за предѣлами патріаршей области; иные монастыри, по дѣламъ владѣльческимъ, со своею вотчиною состояли подъ непосредственною подсудностію самому государю, другіе подсудны были приказу большаго дворца, третьи зависѣли отъ патріарха, четвертые отъ епархіальныхъ архіереевъ, пятые подлежали общимъ областнымъ государственнымъ судамъ. Иногда одно и тоже учрежденіе по своимъ владѣніямъ стояло въ зависимости отъ разнородныхъ судебныхъ инстанцій сообразно съ территоріальнымъ положеніемъ и условнымъ владѣніемъ имѣній; иногда въ одномъ и томъ же монастырѣ настоятель и братія подлежали разнымъ судамъ.

Правда, одно время у насъ возникло было теченіе, которое способно было поставить вопросъ на принципіальную почву, это было направленіе такъ называемыхъ нестяжателей, но какъ сторонники этого направленія не успѣли выйти изъ круга чисто моральныхъ понятій, а вопросъ главнымъ образомъ нуждался въ правовой постановкѣ и сила была на сторонѣ противоположныхъ взглядовъ, то и стремленія нестяжателей остались почти безплодными.

Не слѣдуетъ забывать безспорнаго вліянія имущества на владѣльца: имущество матеріальное способно привязывать къ себѣ душу человѣка; и разъ церковныя учрежденія, хотя бы и по молчанію со стороны церковнаго закона, оказались полновластными владѣльцами церковныхъ имѣній, въ переводѣ на обыденный языкъ это значило, что церковнымъ достояніемъ распоряжались по своему люди, непосредственныя власти этихъ учрежденій, и въ этомъ получался серьезный тормазъ для принципіальнаго разрѣшенія вопроса. Съ теченіемъ же времени церковныя имѣнія оказались населенными крѣпостными людьми, и если мертвое имущество питаетъ во владѣльцѣ эгоистическія его наклонности, то власть надъ рабомъ—человѣкомъ никакъ не обѣщаетъ воспитывать во владѣльцѣ христіанскую любовь. И дѣйствительно, мы видимъ, что въ прошлой нашей исторіи крѣпостное право, возникшее на вотчинномъ правѣ церковныхъ учрежденій, положило свою тяжелую руку на отношенія между церковною властью клиромъ и паствою, повсюду угнетая выраженія евангельской свободы и любви и задерживая равномѣрное и цѣлесообразное развитіе всѣхъ церковныхъ учрежденій въ достиженіи общихъ церковныхъ цѣлей. Экономическое начало вмѣсто служебной получило господствующую роль въ церковной жизни. Духовное начальство живетъ данью съ церквей и духовенства, собираемою, конечно, съ паствы. Тяглый попъ получилъ свое мѣсто послѣ цѣлаго ряда платежей пошлинъ, тянетъ съ прихода всю жизнь, а уйдетъ изъ прихода, оставивъ церковь безъ пѣнія, начальство взыскиваетъ аренду и съ владѣній пустующей церкви. Смѣняется начальство, новое провѣряетъ правоспособность подчиненныхъ и взыскиваетъ приличныя пошлины. Люди съ высокимъ нравственнымъ чувствомъ не могутъ помириться съ такимъ положеніемъ дѣлъ и бѣгутъ въ монастыри. Но это отвлеченіе лучшихъ силъ отъ служенія церкви въ міру къ монастырскому уединенію не можетъ не нарушать общей экономіи церковной жизни: лучшія силы нужны и въ міру. Монастыри не подлежатъ строго нормированной церковной дани, но это сильное стремленіе ихъ отыскать несудимую грамоту развѣ не показываетъ, что крѣпостное право служило великимъ искушеніемъ для власти и въ отношеніяхъ къ монастырямъ. Въ то же время ослабленіе этой власти породило то, что рядомъ съ десятками состоятельныхъ монастырей, огражденныхъ несудимыми грамотами съ одной стороны и

тарханами съ другой, сотни монастырей изнывали въ нищетѣ и лишеніяхъ. На такой почвѣ оставался широкій просторъ для пышнаго разцвѣта подвиговъ отдѣльныхъ лицъ, и древняя русская церковная исторія занесла на свои страницы великій сонмъ святыхъ именъ, съ благоговѣніемъ произносимыхъ православнымъ человѣкомъ, но это не почва для роста церковной, то есть не единичной, а общей жизни во Христѣ Іисусѣ Господѣ Нашемъ.

Въ силу неразрывной связи гражданскаго права съ церковноимущественнымъ, движеніе правовой мысли гражданскаго законодателя, оцѣнивающаго явленія со своей точки зрѣнія и для своихъ видовъ, по необходимости отражается на состояніи церковноимущественнаго права, особенно у насъ, въ православномъ государствѣ, когда великія начинанія предваряются Божіимъ благословеніемъ, и законодатель выступаетъ въ сонмѣ своихъ богомольцевъ, вооруженный правилами св. апостолъ и св. отецъ и законами православныхъ царей греческихъ (указъ объ уложеніи 29 января 1649 г.). При такихъ именно условіяхъ Уложеніе царя Алексѣя Михайловича открываетъ собою новый періодъ для церковно-имущественнаго права.

Анализъ статей Уложенія, относящихся къ церковнымъ имѣніямъ, приводитъ насъ къ заключенію, что съ появленіемъ на Руси законченной системы права получилъ впервые надлежащую и рѣшительную постановку и вопросъ о церковныхъ вотчинахъ. Здѣсь нѣтъ распоряженій о секуляризаціи сихъ вотчинъ, но съ подведеніемъ итоговъ мысли законодателя таковая секуляризація должна явиться сама собою. Законодатель желаетъ привести къ единству разновидныя обнаруженія права и дать всякихъ чиновъ людямъ во всѣхъ дѣлахъ расправу всѣмъ равную. Правительственнымъ органомъ, которому ввѣрено осуществленіе таковаго желанія въ отношеніи къ церковнымъ вотчинамъ оказался монастырскій приказъ. Тѣ крайнія выраженія уравнительной политики, какія стали замѣтны вслѣдъ за учрежденіемъ приказа, сглажены были на церковномъ соборѣ 1667 г., но съ приказомъ получила юридическое выраженіе идея единаго церковнаго имущества и единой власти, вѣдающей таковымъ имуществомъ. При наличности такой правовой идеи возможны два порядка послѣдствій новаго учрежденія — или прежніе собственники охотно усвоятъ новую имъ идею и тогда останется сдѣлать приказъ высшимъ церковнымъ учрежденіемъ, или не усвоятъ,

въ силу консерватизма понятій, и тогда прежняя система владѣній обязательно рухнетъ. Дѣйствительная жизнь идетъ не по шаблонамъ теоріи, въ данномъ вопросѣ и сильная церковная власть обнаружилась не скоро и учрежденія не обнаружили строгой послѣдовательности, и старый порядокъ продержался нѣсколько болѣе 100 лѣтъ.

Въ московскомъ періодѣ русской исторіи главнѣйшимъ поводомъ къ обращенію вниманія правительства на церковныя имѣнія было требованіе, чтобы земля изъ службы не выходила. Съ открытіемъ петровскихъ преобразованій, когда напряжены были до крайней степени всѣ производительныя силы государственнаго организма въ достиженіи намѣченныхъ преобразователемъ задачъ, дѣйствіе того же требованія должно было сказаться съ полной энергіею. Къ тому же послѣ Уложенія многія изъ прежнихъ препятствій къ сему отпали. Возстановленный въ 1701 г. монастырскій приказъ долженъ былъ второй разъ сослужить государству службу по привлеченію церковныхъ учрежденій къ исполненію повинностей предъ государствомъ за вотчины. По отношенію къ занимающему насъ вопросу о секуляризаціи приказъ 1649 г. принципіально имѣетъ значеніе весьма сезьезное, въ дѣйствительности онъ послужилъ секуляризаціи судебныхъ правъ въ вотчинахъ, а приказъ 1701 г. стоитъ уже на порогѣ самой секуляризаціи самыхъ владѣній. Приказъ имѣетъ задачею не взысканіе только повинностей за вотчины въ пользу государства, а и обращеніе избытковъ церковныхъ вотчинныхъ доходовъ на общеполезныя дѣла. Для чего приказъ обязывается описать всѣ вотчины, дать содержаніе церковнымъ учрежденіямъ на счетъ вотчинныхъ доходовъ и опредѣлить избытки. По идеѣ принятіе церковныхъ вотчинъ въ вѣдѣніе приказа состоялось не ради разоренія церковныхъ учрежденій, но лучшаго ради исполненія ими своего назначенія, почему и помянутыя описанія должны были коснуться не вотчинъ только, но и учрежденій (для установленія дѣйствительной потребности ихъ въ средствахъ), слѣдовательно, въ этой идеѣ намѣчается признаніе справедливости дать обезпеченіе и тѣмъ учрежденіямъ, которыя вотчинъ не имѣли, а слѣдовательно и новыхъ учрежденій, буде они потребуются, или другими словами, въ этой идеѣ выражается требованіе равномѣрнаго распредѣленія вотчинныхъ доходовъ между всѣми церковными учрежденіями. Поступательное движеніе правовой мысли здѣсь очевидно. Съ

одной стороны требуется жертва отъ бывшихъ богатыхъ владѣльцевъ на общее благо, а съ другой это общее благо поставляется цѣлію для всѣхъ владѣльцевъ. Здѣсь, особенно при главенствѣ не духовнаго, а свѣтскаго начальства надъ вотчинниками, мы имѣемъ всѣ элементы секуляризаціи, и въ дѣйствительности исторія записала значительное число бывшихъ церковныхъ вотчинъ за лицами и учрежденіями не церковными. Примѣненіе новой идеи и къ тѣмъ вотчинамъ, что̀ сохранились за церковными учрежденіями, нанесло имъ большой матеріальный ущербъ, но спеціальныя изысканія въ этой чисто исторической области не входили въ нашу задачу. Для насъ важно было установить, что здѣсь, на родной почвѣ, а не въ иностранныхъ и инославныхъ государствахъ намъ нужно искать начало распоряженій Екатерины II о церковныхъ имѣніяхъ.

Какъ бы то ни было, но учрежденному въ 1721 г. Св. Синоду предлежали въ вотчинномъ церковномъ правѣ уже не тѣ цѣли и средства, какія были у патріаршаго правительства. Прежде всего по законодательному акту онъ поставленъ былъ главою-распорядителемъ имущественнаго достоянія всей русской церкви, независимо отъ того, что въ качествѣ преемника патріарховъ унаслѣдовалъ ихъ вотчины. Въ этомъ нельзя не видѣть залога для канонически правильнаго распредѣленія церковнаго имущества въ видахъ общецерковной пользы. И дѣйствительно, съ учрежденіемъ Св. Синода одна за другою, съ небывалою для церковной власти настойчивостью, намѣчаются общія всей помѣстной церкви цѣли, къ достиженію коихъ обращаются накопленныя до того имущества отдѣльныхъ учрежденій, уже не по свободному движенію воли сихъ послѣднихъ, а въ силу властныхъ требованій непререкаемаго церковнаго авторитета. Сюда относятся, напр., распоряженія объ устройствѣ училищныхъ домовъ, богадѣленъ, постоянные передѣлы приходовъ и переписка монастырей. Поставляя назначеніе церковныхъ имѣній выше непосредственныхъ выгодъ отъ обладанія ими, Св. Синодъ самъ далъ примѣръ безкорыстія, образовавъ въ своей области рядъ новыхъ епархій, надѣленныхъ имѣніями для содержанія, и установивъ минимальныя пошлины съ церквей и духовенства. Обстоятельства, однако, далеко не благопріятствовали новому правительству. Не говоря уже о томъ, что не экономическая, а вся церковная жизнь всей помѣстной церкви была на попеченіи Синода

и это въ пору, когда взволнованы были расколомъ вѣковые устои церковныхъ порядковъ, когда съ запада грозили опасныя теченія протестующей мысли, когда отношенія къ мѣнявшимся съ быстрою смѣною царствованій политическимъ направленіямъ необходимо было устанавливать каждый разъ заново, Св. Синодъ почти съ самаго начала отвлеченъ былъ на своеобразную защиту церковныхъ имѣній отъ притязаній *органовъ* свѣтской власти, желавшихъ использовать завѣдываніе сими вотчинами самостоятельно. Такимъ образомъ оказалось, что и Св. Синоду, по его составу, назначенію, предметамъ дѣятельности, положенію и отношеніямъ въ обществѣ, государствѣ и церкви не свойственно быть главнымъ церковнымъ вотчинникомъ. Въ одномъ изъ октябрскихъ протоколовъ 1744 г. Синода (№ 38) изложено буквально слѣдующее: «Св. Прав. Синоду довольно извѣстно есть, что какъ въ синодальныхъ, такъ и епаршескихъ деревняхъ, денежныхъ и хлѣбныхъ сборовъ доходы непорядочно и неуравнительно еще отъ давнихъ лѣтъ положены». И дѣйствительно, опыты управленія вотчинами чрезъ камеръ-контору, коллегію экономіи и позднѣе московскую экономическую канцелярію и подчиненные имъ органы не были удачны, недоимки государственныхъ повинностей росли, навлекали обвиненіе въ неумѣніи управиться, въ потворствѣ неисправнымъ плательщикамъ и въ расточительности церковныхъ властей. И къ такому обвиненію былъ прямой поводъ въ томъ, что церковной власти несвойственно выбирать повинности мѣрами внѣшняго принужденія. Первая половина XVIII вѣка была еще суровымъ временемъ и въ Св. Синодѣ извѣстны распоряженія о тѣлесныхъ наказаніяхъ за проступки, но и въ то время усвоить систему принудительныхъ гражданскихъ взысканій для церковной власти было несвойственнымъ бременемъ. Изъ елисаветинскаго періода намъ извѣстно нѣсколько постановленій Св. Синода, когда онъ крайне неодобрительно отнесся къ принудительному взысканію повинностей съ несостоятельныхъ плательщиковъ. Засимъ въ ряду неблагопріятныхъ обстоятельствъ явилось и то, что Св. Синодъ былъ новымъ учрежденіемъ, а подчиненныя ему учрежденія рѣшительно не были пріучены послушанію и отличались поразительнымъ консерватизмомъ. Еще при Петрѣ Великомъ поставленъ былъ вопросъ о штатахъ всѣхъ церковныхъ учрежденій. Само собою разумѣется, что рѣшеніе этого вопроса могло состояться не

прежде, какъ по выясненіи размѣра истинныхъ потребностей всѣхъ учрежденій. Посылались указы о доставленіи свѣдѣній, но пассивное противодѣйствіе учрежденій въ подачѣ матеріаловъ для выработки штатовъ было причиною, что пришлось ограничиться распоряженіемъ о нормальныхъ штатахъ. Подобная исторія повторилась и при Елисаветѣ Петровнѣ и разразилась страшнымъ закономъ 1757 года. Съ опредѣлительностью можно сказать, что до штатовъ 1764 г. самъ Св. Синодъ не былъ достаточно освѣдомленъ на счетъ потребностей въ средствахъ всѣхъ подлежащихъ ему учрежденій. При такихъ даннымъ едва ли можно не согласиться, что реформа 1764 г. была и необходимою и своевременною. Не даромъ самая мысль о коммиссіи 1762 г. основательно приписывается первен. члену Синода митр. Димитрію Сѣченову.

Остается существенный вопросъ о пользѣ этой церковно-имущественной реформы. Первая польза ея въ томъ, что данъ общій законъ, *jus scriptum jus strictum*, при наличности котораго только и возможны правильныя и цѣлесообразныя распоряженія каждаго изъ владѣльцевъ, а затѣмъ для отвѣта на этотъ вопросъ, конечно, приходится обратиться къ цыфрамъ, хотя главное вниманіе нужно обратить не на ариѳметическій подсчетъ прибыли или ущерба для того или другого изъ церковныхъ учрежденій отъ распоряженій 1764 г., такъ какъ *jura non in singulas personas, sed generaliter constituuntur*, а на правовую сторону дѣла, на сумму тѣхъ правовыхъ понятій, которыя введены при этомъ во всеобщее обращеніе и принесли несомнѣнную пользу церкви. Ариѳметическій подсчетъ сдѣланъ въ нашей книгѣ. У церковныхъ учрежденій взято было, согласно указаніямъ 2 ревизій, 910,000 душъ. Любопытно, однако, что во всеподданнѣйшемъ докладѣ оберъ-прокурора кн. Козловскаго 1 января 1762 г. число душъ въ церковныхъ вотчинахъ показано всего 816,736, т. е. по даннымъ центральнаго духовнаго вѣдомства едва не на 100,000 меньше, при чемъ размѣръ денежныхъ поступленій со всѣхъ вотчинъ исчисляется въ 293,848 р. По первоначальной вѣдомости (напечатанной при П. С. З.) назначено было Св. Синоду 27,607 р. 33 к., на 28 епархій — 149,586 р., на 157 монастырей мужскихъ—174,750 р., на 67 женскихъ—33,000 р. (32,999 р.), т. е. не считая церквей, о которыхъ и докладъ 1762 г. не упоминаетъ, назначено сразу около 385,000 р. Другими словами, если указанные въ докладѣ

хлѣбные сборы переложить на деньги, а сверхъ того и денежныя назначенія, увеличенныя при дальнѣйшемъ ходѣ реформы, прибавить къ первональнымъ, то видимаго ущерба по сравненіи съ докладомъ и не будетъ. Конечно, денежныя поступленія отъ вотчинъ должны были возрастать, но и штатные оклады росли и теперь растутъ. Если же правительство сразу переложило всѣ повинности на деньги и расчитывало взыскивать съ бывшихъ церковныхъ крестьянъ до 1.366,299 р., то во-первыхъ, церковныя учрежденія такихъ денегъ не получали, а стало быть и не лишались, а во-вторыхъ, по окладамъ духовной коммиссіи учрежденіямъ назначено не 293, а болѣе 500,000 руб. Конечно таже коммиссія дала 300,000 р. на непрямое назначеніе, но едва ли противное общецерковнымъ цѣлямъ: сюда отнесено содержаніе грузинскаго духовенства, палестинскій штатъ, содержаніе инвалидовъ и т. п.

Гораздо важнѣе то, что съ реформою 1764 г., рушились крѣпостныя отношенія между іерархіею, клиромъ и паствою. Беззащитный тяглый попъ уже не могъ появиться въ дальнѣйшей исторіи церкви и церковная дань утратила свой грубый характеръ. Если духовенство при дѣйствіи прежняго порядка стояло въ крѣпостной зависимости отъ церковной власти, то и сама власть въ своемъ содержаніи зависѣла отъ своихъ подчиненныхъ. Отнынѣ пошлины за посвященіе, подачки, взятки и знаменитыя акциденціи должны исчезнуть и между клиромъ и церковною властью не смѣетъ стоять сборщикъ. Самыя силы церковной власти, доселѣ связанныя заботою о вотчинахъ, освобождаются для болѣе высокой и производительной дѣятельности. Съ 1721 по 1763 г. едва ли не половина распоряженій Св. Синода посвящена была разсмотрѣнію и разрѣшенію вопросовъ, вытекавшихъ изъ вотчиннаго хозяйства. Цѣлый приказъ (дворцовый) долженъ былъ отдать свои силы хозяйственному смотрѣнію, а другой (казенный) сборамъ. По такому же типу слагались и епархіальные управленія. И нужно знать, что все полчище сборщиковъ и приставниковъ кормилось на счетъ плательщиковъ, питая нареканія на притязательность церковныхъ владѣльцевъ. Нѣтъ надобности входить въ оцѣнку справедливости этихъ замѣчаній, и все же нельзя не порадоваться за достоинство церковныхъ властей, когда отпали поводы къ искушеніямъ и обвиненіямъ въ роскоши и алчности. Какъ бы то ни было, но за два предшествующія столѣтія, при силѣ вотчинныхъ понятій, открыто

было всего 10 новыхъ епархій, а при новомъ положеніи дѣлъ въ теченіе одного XVIII в. 19 новыхъ епархій. Пропорціально увеличилось и число приходскихъ церквей. Правда, упраздненные и закрытые монастыри способны вызывать нѣкоторое смущеніе въ изслѣдователѣ. Но здѣсь должны помочь историческія справки о плачевномъ состояніи многихъ обителей, воздвигнутыхъ во времена благопотребныя и забытыхъ въ послѣдующія времена, такихъ, которые и въ прежнія времена, бывъ предоставлены собственной участи, вымирали и безъ внѣшняго насилія, а также и такихъ, которые поддержаны именно реформою. Во всякомъ случаѣ при реформѣ 1764 г. впервые сдѣланъ былъ учетъ монашествующаго сословія въ Россіи, указаны всѣ 910 монастырей, признана неоспоримо потребность въ монастыряхъ и право на обезпеченіе ихъ: и ничто не препятствовало тѣмъ обителямъ, которыя дѣйствительно нужны, быть вновь воздвигнутымъ изъ развалинъ и съ честію нести свою службу церкви, народу и государству.

Никакого договора о вознагражденіи за отобранное не только не было, но и не могло быть, но выясненіе того начала, что каждое учрежденіе должно быть приличнымъ способомъ обезпечено въ своемъ содержаніи, привело къ тому, что всѣ церкви получили право на земли, все духовенство таковое же право на денежное вознагражденіе отъ казны. Если въ настоящее время и не всѣ наши клирики обезпечены казеннымъ жалованьемъ и освобождены отъ принятія платы за отдѣльный трудъ, то вся сумма церковныхъ земель, что теперь значится за церковными учрежденіями, и всѣ капиталы, которые сохраняются ими то въ банкахъ, то въ надежномъ депозитѣ государственной казны, отнюдь не меньше стоимости, тѣхъ имѣній, какія взяты въ казну въ 1764 г., особенно же потому, что изъ цѣны тѣхъ имѣній мы должны вычесть стоимость труда, какой отдавали учрежденія на извлеченіе выгодъ отъ имѣній, и цѣну рабовъ, по требованію христіанскаго чувства. Утверждать же, будто крѣпостные были въ лучшемъ состояніи за церковными учрежденіями, чѣмъ на свободѣ, мы не можемъ, такъ какъ знаемъ, что однимъ изъ поводовъ къ поспѣшному изданію указа 14 февраля 1764 г. были волненія крестьянъ въ монастырскихъ вотчинахъ.

Если же и цѣнность церковнаго имущества въ концѣ

концовъ не пострадала отъ реформы, то въ смыслѣ упорядоченія правъ въ церковномъ имуществѣ эта реформа оказалась безусловно полезною. Та упорядоченность церковнаго хозяйства, какая достигнута въ настоящее время, получила свой источникъ въ томъ великой важности законодательномъ актѣ, когда уничтожено было историческое право учрежденій на населенныя вотчины.

Не смѣю утруждать вниманіе ученаго собранія дальнѣйшимъ изложеніемъ послѣдствій великаго событія 14 февраля 1764 г., тѣмъ болѣе, что посильное заключеніе изъ всего хода событій мною сдѣлано раздѣльно въ самой книгѣ и перепечатано въ тезисахъ.

Оканчивая же свою рѣчь, я долженъ упомянуть, что наука церковнаго права, по нашимъ наблюденіемъ, не слишкомъ богата оригинальными изслѣдованіями, по крайней мѣрѣ на русскомъ языкѣ, и что даже простая попытка извлечь изъ архивной пыли нѣкоторые сырые матеріалы, подобные напечатаннымъ въ приложеніяхъ къ моей книгѣ, не лишена значенія для науки. А засимъ, изложивъ итоги своихъ научныхъ занятій, покорно жду вашего приговора [1]).

А. Завьяловъ.

---

[1]) Защита диссертаціи была признана Совѣтомъ академіи удовлетворительной и авторъ ея утвержденъ Св. Синодомъ въ степени магистра богословія.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки